

Культура —
2001-09-15
авг.-с.4

Искусствочко как праздник жизни

Письмо провинциального мизантропа
своим столичным друзьям

Я симулировал в новой поззии.
Ты симулировал что? —
Я симулировал
приступ болезненный,
производя громкий стон.
В эту минуту
свисток оглушительный,
свистнув, меня оглушил.
Все-таки я
результат положительный
в сетку к себе положил.

Эти четверостишия — из новой книги стихов Николая Байтова "Время года" (М., ОГИ, 2001).

Подводя итоги своим московским "культурным" впечатлениям, спрашиваю себя: я симулировал что? Почему богатая событиями неделя (Театральная олимпиада, бурная литературная жизнь, обильные новости из выставочных залов) вызвала у меня впечатление, если так можно выразиться, неполной натуральности.

Ну понятное дело — приехал-то я из города, где все более отцентровано: любое мало-мальское событие приобретает в нашей провинции оттенок всенародного праздника, прямо-таки исторического свершения. И к этому можно относиться двояко. Вот на днях ТВ показало Нуреевский фестиваль в Казани, а у нас в Уфе таковой прошел раньше... Радостный голос телерепортера преисполнен значительности. Еще бы! Такого рода праздники искусств важны прежде всего своей ритуальностью, а художественное наполнение может быть и таким, и сяким. Так вот, в Москве я, кажется, тоже симулировал участие в ритуале.

И это нормально. Кто за вас будет это делать, Пушкин? Мы еще и сейчас обожаем фразеологизмы такого рода. В рамках Театральной олимпиады я посмотрел работу Пикколо Театро ди Милано (якобы последний спектакль великого режиссера XX столетия, я цитирую программу, Джорджо Стрелера "Арлекин, или Слуга двух господ". У входа в Малый театр было не протолкнуться. У меня сложилось впечатление, что эта толпа явилась в едином порыве приобщиться к искусству, просимулировать приобщение. "Вон смотри, Жванецкий!" — радостно сказал мой друг. "Ну и что?" — подумал я. А потом я подумал так еще раз, наблюдая, как капелъдинера (или билетерша — если по-русски) выгоняла из ложи студентов-безбилетников. На секунду-ко показалось, что для нее служение искусству как раз в том и состоит, чтобы отделить допущенных от недопущенных. Вспомнился булгаковский Фила: "Дам постоять!" А тут — не дам... "Вам только позволь!" — закричала она, когда законные владельцы мест встали за незаконных. И вот, спросят меня, при чем здесь замечательный театральный праздник, где Някрошюс явил свой режиссерский гений и где культурная элита рукоплескала и

дышала воздухом высокой, как говорится, духовности?... Не знаю, чем дышала элита. Но искусство происходит не в местах массового скопления билетерш. Или даже фельетонописцев.

Типичный, но очень мастерский театр дель арте — прямо-таки уличная феерия. Кстати, итальянский театр в своих фольклорно-простонародных проявлениях так похож, скажем, на татарский или башкирский. В свое время я смотрел Гольдони в Казанском театре имени Г. Камала — и не удивился на этот раз совпадению или сходству типажей.

То есть не подумайте, что я не наслаждался игрой итальянцев!

Но, когда думаешь о тенденции (то есть о том, что мы с Байтовым называем словом "симулировать"), становится грустно. Кто там обозначен в программке в качестве спонсоров олимпиады? Самарская кондитерская фабрика "Россия"... Интересно, как там дела в тамошней драме? Поди, не протолкнуться от меценатов?

"Искренности нет не только в шаблоне, и шаблон не худший из видов неискренности. Он отнимает действительности вещи и оставляет нас равнодушными, но еще не порождает прямого неверия в литературное слово. Это происходит от другого вида неискренности, который назван у нас "лакировкой действительности", — писал Владимир Померанцев в "Новом мире" в 1953 году. Мне кажется, что наша бурная деятельность по организации бесконечных салютов и фейерверков (в прямом и переносном смысле) — это и шаблон, и лакировка художественной действительности сразу.

Следование шаблону может быть и удачным, но когда-нибудь оно приведет к застою.

В те же дни я был и в театре Стаса Намина. В Нескучном саду давали Теннесси Уильямса — маскарэд в шестнадцати блоках "Камино Реаль". Именно в этом спектакле (его поставил Андрей Рос-сийский) жутковатая ненатуральность — вплоть до почти агрессивной фальшивости — места, времени и самого сюжета, как тот самый звук лопнувшей струны у Чехова, ведет к открытости. Фальшь сходит сама по себе — слоями. Слово актеры в какой-то момент перестают играть навязанные им драматургом обстоятельства, а начинают в них жить. Уютно уютно, удобно неудобно, но куда деваться — ты здесь, Дон Кихот, и, пожалуй-ста, думай, что это сон... Но во сне можно плакать — никто не осудит. Во сне не нужно натужно думать о мизансценах и всеобщей лжи — на улице, на сцене, в зале... Ложь происходит, как сон, если... если замысел совпадает с помыслом. Я не сравниваю спектакли. Я просто

говорю о том, что студенты на "Камино Реаль" сидели в партере — и никто не кричал: "Вам только позволь!"

Театр как вид искусства и театр как учреждение — это одно и то же. И если в модном театре каждая гардеробщица назначает собственную цену за сданное пальто (помню ощущение стыда от прогулки по фойе театра — программки продаются вкупе с дорогими книгами или никак, лист с напечатанным текстом превращается в позолоченный, я пришел в храм, а меня пытаются надуть — рыночная экономика!)... Когда я это вижу — мне обидно за прекрасных актеров этого театра.

Кто это говорит, что призыв "Идите в театр, живите в театре!" не актуален? Реализуется он и в искусстве, и, прошу прощения, в театральном менеджменте.

И отчего я так раздражаюсь праздничной роскошью олимпиады — она всего-навсего туман, отчасти закрывающий вершины. То есть да, именно вершины своего творчества явили зрителям участники, но вершины словно бы уже в несколько застывшем состоянии. И если мне нужна расплавленная магла художественной повседневности, то я могу, выйдя из театра Стаса Намина (нет, не с мюзикла — это совсем другой спектакль!), прогуляться по аллеям Нескучного, где пахнет черемухой, и осмыслить только что увиденное...

Ну да, я толкую про старые новости. Черемуха отцвела. Олимпиада закрылась при выходе репортеров и тех, кого не выгоняли из ложи. В Москве в Потаповском переулке в подвальчике "Проект ОГИ" сильно накурено... А в книжном магазине, расположенном над ним, можно купить поэзию — избранную, так сказать, лирику ОГИ. И кто сказал, что соединение тесного книжного рая и неудобных катакомб, где едят, пьют и читают стихи, содержит в себе какое-то открытие? Открытие — в стихах. Ежели они искренни.

Вот, перепрыгнул с одного на другое. Потому что искренность явлена в слове и жесте. И пластические чудеса, и голосовые модуляции в театре и в баре клуба ОГИ сами по себе можно понять как открывшуюся, но симуляцию. Мы в искусствах много играли в последние годы. Театр масок (наш, а не итальянский) вполне может оказаться при масках, но без актеров... А раскрутить великолепную почти цирковую работу можно и без олимпиады (и с нею, конечно, тоже можно). Акробатический этюд! "Гаснет в зале свет. И снова я смотрю на сцену откровенно..." Вам только позволь!

Александр КАСЫМОВ

Москва — Уфа